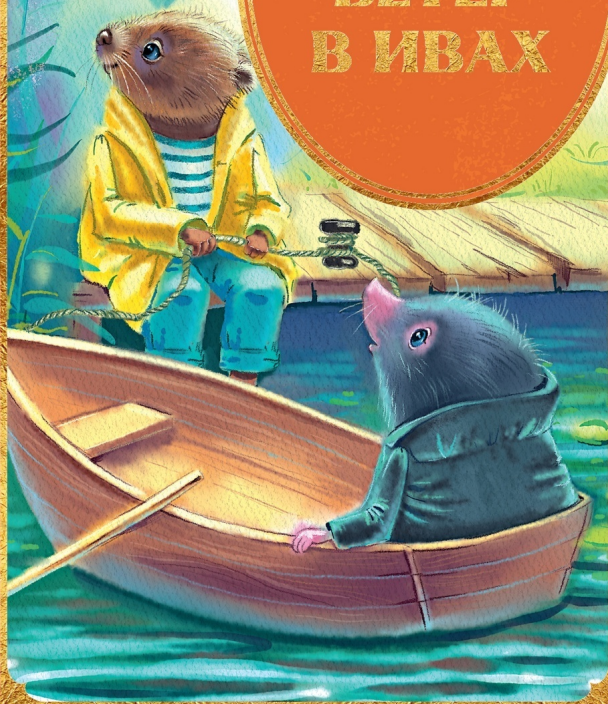

Коллекция
Приключений

Кеннет Грэм

ВЕТЕР В ИВАХ

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА КНИГИ РАСКЛАДЫВАЕТСЯ

Кеннет Грэм
Ветер в ивах
Серия «Коллекция
приключений (Азбука)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74488681

Ветер в ивах : сказочная повесть:

ISBN 978-5-389-34143-2

Аннотация

Однажды скромный и любознательный Крот покинул свою старую нору и поселился в цветущей долине возле большой реки. Здесь его друзьями стали добродушный Водяной Крыс, беспечный богач мистер Жаб и Барсук – суровый отшельник из Дикой Чащи. Так для Крота началась новая жизнь, иногда мирная и спокойная, а иногда – полная опасностей и приключений.

Содержание

1	10
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кеннет Грэм

Ветер в ивах

Сказочная повесть

© Колотов А. З., перевод на русский язык, 2026

© Яснов М. Д., наследники, стихи, перевод на русский язык, 2026

© Соловьёва Е. А., иллюстрации, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

«Махаон»®

* * *

*Коллекция
Приключений*

Кеннет Грэм

ВЕТЕР В ИВАХ

Сказочная повесть

Художник
Евгения Соловьёва

1

Речной берег

Всё утро Крот усердно трудился: пришла пора весенней уборки. Шваброй и щёткой, метлой и мокрыми тряпками – полы и лестницу, мебель и коврик... В горле у него першило от пыли, мыльная пена забрызгала чёрный мех, спину и ноги ломило от усталости.

В воздухе и на земле всё дышало весной. Даже в его низкий и тёмный домик проникал дух смутного весеннего беспокойства, и надо ли удивляться, что он в конце концов вы-

прямился, бросил тряпки и щётки и со словами «Хватит!», «Довольно!» и «Ну её, эту уборку!» выбежал из дома, даже не накинув пальто. Его как будто властно окликнул кто-то, и он устремился вверх по крутому тоннелю, который оканчивался выходом в проулок, принадлежавший зверькам, живущим ближе, чем он, к солнцу и воздуху. Он продирался и пробирался, рыл, скрёб, копал, отбрасывал землю и снова рыл, копал, скрёб и, приговаривая: «Вверх отсюда! Вверх отсюда!» – вырвался наконец на свет и перекувырнулся несколько раз на тёплой траве просторного луга.

– Чудесно! – сказал он себе. – Ну её, эту уборку!

Солнце согрело ему мех, ласковый ветерок освежил, и после ватной тишины зимних месяцев радостный птичий пересвист едва не оглушил с непривычки. Подскакивая на всех четырёх, радуясь жизни и весне без весенней уборки, он промчался по лугу и очутился у дальней изгороди.

– Стой! – крикнул ему от ворот пожилой кролик. – Частная собственность! За проход шесть пенсов.

Развеселившийся Крот перескочил с разбегу через него и потрусил вдоль забора, посмеиваясь над остальными кроликами, опоздавшими к началу ссоры.

– Луковый соус! Под луковым соусом! – презрительно бросил Крот и был таков, прежде чем они успели придумать достойный ответ.

Кроликам ничего не оставалось, кроме как обвинять друг друга в нерасторопности:

– Балбес! Ты бы ему сказал!..

– А ты-то что же молчал?

– Нужно было ответить вот как...

Но всё это уже было поздно и ни к чему.

Вокруг было так хорошо, что Крот на секунду зажмурился. Он весело бежал по лугам и рошицам, вдоль живых изгородей, и всюду птицы строили гнёзда, почки лопались, цветы распускались, все были очень счастливы и очень заняты. Но, странное дело, Крота не мучили ни угрызения совести, ни воспоминания о недомытом коридоре; наоборот, так хорошо было слоняться бездельником среди озабоченных сограждан. В конце концов, не так радуется отдых сам по себе, как праздное наблюдение за чужой работой.

Счастье его, казалось, было уже полным, когда он вышел на берег большой реки. В первый раз в жизни Крот увидел реку. Её всхолмленная гладь, как сытый зверь, неслась мимо и усмехалась, урча, хватала всё, до чего могла дотянуться, со смехом отбрасывала и вновь тянулась к оставленному только что. Глаза слепили блеск и мерцание воды, то и дело вспыхивали и гасли искры и яркие отблески, воздух наполнялся шуршанием, шелестом, бульканьем и неразборчивой болтовнёй. Крот был заворожён, околдован, он шёл вдоль берега, как идёт рядом со взрослым малыш, в нетерпении ловя каждое слово из его чудных рассказов. Устав, Крот сел на землю, а река всё говорила, говорила ему о чём-то, рассказывала небывалые истории, что зарождаются в глубинах земли и тонут в ненасытном море.

Так он сидел на траве, рассматривал противоположный берег и, остановив взгляд на тёмной норе, видневшейся над

самой водой, подумал, как хорошо было бы поселиться в ней зверьку со скромными потребностями и жить, радуясь красоте реки, вдали от шума и пыли, на безопасной высоте, чтоб не залило в паводок. Вдруг в глубине норы мелькнул огонёк, погас и загорелся опять, словно далёкая звёздочка. Но звезде неоткуда было там взяться, а светлячок, пожалуй, светился бы ровнее и ярче. Огонёк подмигнул. Значит, это был глаз? Потом, как рама вокруг картины, вокруг глаза обрисовалась мордочка.

Мордочка была:
коричневая, усатая;
очень серьёзная;
с блестящими глазами, минуту назад привлёкшими его внимание;

с аккуратными ушками, с густой, гладкой шерстью.

Это был Водяной Крыс!

Зверьки внимательно посмотрели друг на друга.

– Привет, Крот! – сказал Крыс.

– Привет, Крыс! – сказал Крот.

– Хочешь перебраться ко мне? – спросил Крыс.

– Хорошо тебе предлагать, – обиженно ответил Крот.

Новичок в речных делах, он пока не знал, как здесь что делается.

Без лишних слов Крыс наклонился, отвязал верёвку и переступил в не замеченную Кротом маленькую лодочку. Лодочка была снаружи синяя, изнутри белая, размером как раз

на двоих, и Крот влюбился в неё с первого взгляда, ещё не успев понять, для чего она, собственно говоря, нужна.

Крыс быстро пересёк реку, причалил и протянул лапу осторожно спустившемуся к воде Кроту.

– Смелее, – сказал Водяной Крыс. – Обопрись и не бойся.

И Крот неожиданно, как во сне, очутился на кормовой банке настоящего ялика.

– Ах, что за денёк! – молвил он, когда Крыс взял вёсла и оттолкнулся от берега. – Знаешь, а я ведь первый раз в жизни в лодке сижу.

– Что?! – вскричал изумлённый Крыс. – Ты никогда... то есть как? Где же ты пропадал?!

– Здесь всегда так же славно? – спросил Крот, заранее готовый во всё поверить при виде уключин, вёсел и других чудес, мягко покачивающихся вместе с лодкой.

– Славно? – переспросил Водяной Крыс. – Неправильное ты слово нашёл. Поверь мне, мой юный друг, нет в мире ничего, хотя бы наполовину сравнимого с прогулками на лодках. Просто прогулки, – дремотно забормотал он, – прогулки на лодках или даже без лодок, только бы...

– Крыс, осторожнее! – закричал Крот, но было поздно.

Лодка на полной скорости врезалась носом в берег, и замечтавшийся гребец оказался на спине с задранными кверху лапами.

– Только бы лодки были поблизости, – невозмутимо улыбаясь, сказал Крыс вставая. – Впрочем, и это не важно. Ведь

в чём вся прелесть этих прогулок? Можно куда-нибудь отправиться, а можно никуда и не отправляться, едешь ты, куда тебе надо или куда не надо, или вообще никуда не едешь – ты всё время занят, хотя ничего не делаешь. А когда сделаешь всё, то, если захочешь, найдёшь себе новое занятие, но, кстати, если не захочешь, то и не найдёшь. Послушай! Если у тебя сейчас нет важных дел, почему бы нам не поплыть вниз по реке и не провести день на свежем воздухе?

Крот от избытка чувств пошевелил пальцами, счастливо, глубоко вздохнул, прикрыл глаза и облокотился на мягкую спинку сиденья.

– Ах, что за денёк! – молвил он. – Как здорово! Поехали, я готов.

– Нет уж, минуточку подожди, – ответил Крыс.

Он привязал лодку к причалу, поднялся в нору и вскоре вышел оттуда, сгибаясь под тяжестью огромной плетёной корзины.

– Поставь в ноги, – велел он Кроту, отвязал чалку и сел на вёсла.

– Что в ней? – поинтересовался Крот, сгорая от любопытства.

– Салат, маринад, кока-кола, лимонад, – деловито отвечал Крыс, – цыплята табака, кусочек языка, свиная отбивная, бублики, рогалики, шоколадные пирожные, земляничное мороженое...

– Хватит, хватит! – в восторге закричал Крот. – Нам этого

за неделю не съесть!

– Ты думаешь? – без тени улыбки отозвался Водяной Крыс. – А я всегда так готовлюсь к вылазкам. И ведь поворачивается же у кого-то язык сказать, что я, мол, – ты представляешь?! – не упущу своего и не пронесу кусок мимо рта!

Но Крот ничего не слышал. Поглощённый открывшейся ему новой жизнью, зачарованный мерцанием солнечных искр, ропотом течения, запахами, звуками, солнцем, он опустил лапу за борт и грезил наяву. Крыс грёб и не тревожил его.

– Нравится мне твой наряд, старина, – заметил он через полчаса. – Я тоже давно подумываю насчёт смокинга из чёрного бархата, только вот денегат прикоплю.

– Прошу прощения, – сказал Крот, с усилием приходя в себя. – Наверное, ты считаешь меня ужасным невежей, но здесь всё так необычно и ново для меня. Так вот каковы реки...

– Реки – не знаю, а моя река именно такова, – уточнил Крыс.

– И ты всю жизнь живёшь на реке! Как здесь хорошо!

– И на реке, и в реке, и у реки, и вообще я, можно сказать, живу рекой. Она мне заменяет родню и друзей, кормит меня и поит и, конечно, моет. Она для меня весь мир, и мне другого мира не надо. Здесь, у реки, есть всё, а чего нет – то никому не нужно. Понимаешь? Мы узнаём все новости, и не доходят до нас только пустые сплетни. Как здесь чудес-

но! Зимой и летом, осенью и весной всегда найдётся забава и развлечение. В февральские наводнения, например, мои погреба полны никчёмной влаги и чёрный поток вздувается до окон спальни, а когда воды спадают, комья высыхающего ила на берегу пахнут густо ипряно, каналы забиты мусором и травой, и я могу бродить по обнажённому руслу и, не зная проблем с едой, подбирать всякую всячину, которую выбрасывают беззаботные гуляки из лодок!

— А не бывает ли тут порой скучновато? — отважился спросить Крот. — Ты да река, и не с кем словом перемолвиться.

— Не с кем словом... Ну что ж, тебя нельзя строго судить, — великодушно заявил Крыс. — Ты новичок и мало что понима-

ешь. Берег теперь так перенаселён, что кое-кто подумывает об отъезде. О, раньше так не было. Выдры, утки-пеганки, лысухи, зимородки... И всем ты непременно зачем-то нужен, как будто без тебя им не обойтись!

— А там что виднеется? — спросил Крот, показывая в сторону леса, чёрною полосой окаймлявшего прибрежные заливные луга.

— Там Дикая Чаша, — отрезал Крыс. — Мы, жители реки, как правило, о ней помалкиваем.

Крот вздрогнул:

— Там что, там... что-нибудь не то?

— Н-ну... дай подумать. — Крыс нахмурился. — С белками всё в порядке; кролики тоже — некоторые по крайней мере. Но кролики — народ ненадёжный. Ну и, конечно, Барсук. Живёт себе в самой глухомани и не променяет её ни на что. Старый добрый Барсук! Его-то никто не тронет. Ха, пусть бы сунулись! — значительно добавил он.

— Да, но кто будет к нему соваться?

— Есть там кое-кто, — неопределённо ответил Крыс. — Хорьки, лисы, куницы и ещё разные... Так они, в общем, ничего, я даже дружу кое с кем из них, болтаем при встрече и всё такое, но иногда они забываются, что есть, то есть, и тогда... В общем, не надо им так уж доверяться во всём, не стоит потому что.

Крот знал, что говорить о возможных неприятностях считается неприличным и даже намекать на них не принято, и

больше не настаивал.

— А что за Дикой Чащей? — спросил он. — Вон там, где голубая дымка и не то холмы, не то дым из городских труб, не то облака клубятся?

— За Дикой Чащей лежат Дальние Края, которые не имеют отношения ни к тебе, ни ко мне. Я там никогда не был и никогда не буду, и если у тебя есть хоть капля здравого смысла, то и тебе тоже там делать нечего. И пожалуйста, не упоминай о них больше. Ну, вот и запруда, здесь мы с тобой позавтракаем.

Уйдя со стрежня, они прошли в озерцо, на первый взгляд с рекой не связанное. Его отлогие берега покрывала зелёная трава, под водой извивались тёмные корни деревьев, а чуть поодаль стояла старая мельница, до самых стропил окутанная облаком серебристых брызг и пены, и в такт бесконечному движению колеса воздух звенел монотонным усыпляющим напевом, через который изредка прорезались чьи-то звонкие и чистые голоса. Крот мог только сложить передние лапы и восхищённо вздыхать.

Крыс провёл лодку вдоль берега, привязал, помог выйти ещё не освоившемуся Кроту и передал ему корзину со снедью. В виде особой милости Крот выпросил дозволения распаковать её. Крыс охотно поручил ему это, а сам растянулся на травке и наблюдал, как его восторженный спутник расстилает скатерть, вытаскивает таинственные пакеты и раскладывает их содержимое, то и дело восклицая:

– Ого! Вот это да! Ничего себе!

Когда всё было готово, Крыс предложил Кроту не церемониться, чему тот был весьма рад, поскольку начал прилежно заниматься весенней уборкой ни свет ни заря, и во рту у него с тех пор не было и маковой росинки, а пережить он успел столько, что ему казалось, будто прошло уже много дней.

– Ты что высматриваешь? – спросил Крыс, когда Крот, утолив голод, оторвал взгляд от скатерти.

– Гляди-ка, из-под воды словно цепочка воздушных пузырей всплывает. Что бы это значило?

– Ах, пузыри? – И Крыс громко и весело крикнул, как будто позвал кого-то.

Из-под воды показалась широкая блестящая морда, и на берег вылез Выдр. Он отряхнулся и двинулся к «столу».

– У, жадины несчастные! Почему ты меня заранее не позвал, Крысик?

– Внеплановое мероприятие, – объяснил Крыс. – Познакомься: мой друг, мистер Крот.

– Душевно польщён, – сказал Выдр, и они скрепили новую дружбу рукопожатием.

– Везде такой шум, суета, – продолжал Выдр. – Кажется, что все подались к реке. Прихожу в эту заводь, чтобы побыть одному, и натыкаюсь на вас! То есть, прошу прощения, вы поняли, о чём я.

Сзади, от кучи слежавшихся листьев, раздался шорох, и прямо на них уставилась полосатая голова, плотно сидевшая

на широких полосатых плечах.

– Барсук! Давай к нам, старина! – воскликнул Крыс.
Барсук сделал шаг, другой, потом буркнул:

– А! Сборище! – развернулся и пропал из виду.

– Вот так он всегда, – сказал разочарованный Крыс. – Не терпит больших компаний. Сегодня нам его больше не видеть. Так расскажи-ка, кто же подался к реке?

– Во-первых, Жаб на своей новёхонькой двойке, – отвечал Выдр. – Снаряжение, снасти – всё с иголочки.

И собеседники, переглянувшись, расхохотались.

– Когда-то у Жаба был парусник, – усмехался Крыс. – Потом ему это надоело, пересел в плоскодонку. Был счастлив только тогда, когда плавал целыми днями в своей плоскодонке по всей округе и всем её демонстрировал. В прошлом году добрался уже до катера, и каждый из нас должен был пожить с ним в каюте и восхититься, как там здорово. В катере он собирался провести остаток своих дней... И так всё, за что он берётся: сперва – ах! Потом ему надоедает, и всё начинается заново.

– Такой славный малый – и так неустойчив, да ещё на воде! – задумчиво проговорил Выдр.

За островом, который отделял озерцо от реки, просматривался стрежень, и, поглядев в ту сторону, они увидели гоночную двойку. Невысокий, коренастый гребец работал изо всех сил, угрожающе раскачиваясь и поднимая тучи брызг. Вскочив на ноги, Крыс крикнул и помахал ему, но Жаб (а это был он) помотал головой и налёг на вёсла ещё усерднее.

– Если он будет так раскачиваться, то скоро окажется в воде, – сказал Крыс, снова усаживаясь.

– Естественно, – фыркнул Выдр. – Слышали историю про Жаба и сторожа? Дело было так: Жаб...

В это время заблудившаяся муха-подёнка, ошалело блуждавшая из стороны в сторону, не в силах совладать с весенним огнём в крови, спустилась к воде. Раздалось «плюх!», вода забурилась... – и Выдр исчез.

Крот глянул вниз. Голос Выдра ещё отдавался в его ушах, но место рядом на травяном ковре опустело, до самого горизонта простирался весенний пейзаж, и лишь несколько пузырьков всплыло на поверхность.

Крыс начал напевать что-то, и Крот вспомнил, что правила приличия запрещают обсуждать чьё-либо внезапное исчезновение независимо от того, ясна его причина или нет.

– Ну, пора двигаться, – сказал Крыс. – Кто собирает корзину?

В его голосе не прозвучало стремления сразу же взяться за работу.

– Ой, а можно я? – спросил Крот.

Оказалось, можно.

Собирать корзину было отнюдь не таким приятным занятием, как распаковывать. Но Крот восхищался сегодня всем подряд, и хотя, после того как корзина была перетянута ремнями, ему подмигнула из травы забытая тарелка, а когда всё было перепаковано, Крыс указал ему на вилку, лежавшую у всех на виду, а после этого выяснилось, что он – вот это да! – сидел на банке с горчицей, работа в конце концов была завершена спокойно и относительно быстро.

Вечерело. Солнце клонилось к западу. Крыс задумчиво грёб, бормоча обрывки стихов и не обращая на Крота внимания. Но Крот, гордый собой и переполненный впечатлениями, твёрдо решил вернуться домой на лодке самостоятельно. Ему не сиделось. Наконец он сказал:

– Крысик! Дай мне, пожалуйста, немножечко погрести.

Крыс улыбнулся и покачал головой:

– Не сейчас, мой юный друг, не сейчас. Сначала поучись.

Это не так просто, как кажется.

Минуту или две Крот сидел смирно. Но затем он начал испытывать всё большую зависть к Крысу, который грёб так легко и сильно. Гордость нашёптывала Кроту, что он и сам мог бы грести не хуже. Выбрав момент, он вскочил и уцепился за вёсла так неожиданно, что Крыс, застигнутый врасплох с его стихами и лирическим настроением, грохнулся на спину вверх ногами, и торжествующий Крот сел на его место и самоуверенно налёг на вёсла.

– Сядь на место, дурень! – завопил Крыс, лёжа на дне лодки. – Ты же не умеешь! Мы же перевернёмся!

Крот резко дёрнул, глубоко зарыл лопасти в воду и – потерял равновесие. Пятки его взлетели выше головы, и он очутился верхом на совсем ошеломлённом Крысе. Растерявшись, Крот уцепился за борт, и в следующий миг громкий всплеск возвестил правоту Крыса: лодка перевернулась, и Крот бултыхнулся в воду.

Боже! До чего там было мокро и холодно! Как мерзко журчала вода в ушах, пока Крот опускался всё глубже, глубже, глубже... Какое яркое солнце брызнуло ему в глаза, когда он вынырнул на поверхность, и какое чёрное отчаяние залило его душу, когда он снова пошёл ко дну! Наконец чья-то лапа ухватила его за загривок. Это был Крыс. Он хохотал. Крот

чувствовал, как этот смех перекатывался по лапе и касался его, Крота, затылка.

Поймав весло, Крыс подсунул его Кроту под мышку, второе – под другую и, подталкивая беспомощного зверька сзади, выволок его – жалкий комок мокрого меха – на берег.

Крыс вытер Крота, как сумел, отжал на нём мех и сказал: – Теперь давай-ка, приятель, бегом взад-вперёд по берегу, пока не согреешься, а я нырну за корзиной.

И бедный Крот, мокрый и несчастный, бегал, пока не обсох, а Крыс опять полез в воду, отбуксировал и причалил лодку, выловил в несколько приёмов всё снаряжение и под конец, достав со дна корзину, поплыл с нею к берегу.

Когда всё было готово к отплытию, хромой и хмурый Крот занял место на корме, оттолкнулся и заговорил прочувствованным голосом:

– Крысик, великодушный друг мой! Я искренне сожалею о своей глупой и неблагодарной выходке. У меня замирает сердце при мысли, что из-за меня чуть не погибла прекрасная плетёная корзина. Я поступил по-идиотски. Не мог бы ты на этот раз простить меня и относиться ко мне с той же добротой, что и раньше?

– Полно тебе, дружище, – ласково отвечал ему Крыс. – Ну, нырнул я раз-другой, я ведь Крыс-то Водяной. Я так и так бóльшую часть времени в воде провожу. Забудь об этом. Но, пожалуй, тебе не повредило бы пожить у меня немного. У меня дом, конечно, простой, не очень устроенный, не то что Жабсфорд (ах да, ты же там не был), но я бы нашёл, где

разместить тебя. Научил бы плавать, грести – река стала бы для тебя таким же родным домом, как для всех нас.

Крот был слишком растроган, чтоб отвечать. Ему даже пришлось смахнуть слезинку-другую. Но добрый Крыс понимающе отвернулся, и постепенно Крот настолько пришёл в себя, что смог поставить на место парочку лысух, съязвивших насчёт его жалкого вида.

Добравшись до дому, Крыс развёл жаркий огонь и усадил Крота в кресло перед камином, дал ему шлепанцы и халат и развлекал до ужина историями из речной жизни. Для сухопутного Крота все они были в новинку – о шлюзах, о наводнениях, про коварных щук и про пароходы, которые разбрасывали бутылки (то есть бутылки на самом деле бросали с пароходов, а, значит, пароходы их и разбрасывали); про цапель и про то, как с ними надо разговаривать, о приключениях в низовьях, ночной рыбалке с Выдром и дальних путешествиях с Барсуком. Ужин был тоже хорош, но очень скоро внимательному хозяину пришлось отвести сонного гостя в спальню, и с облегчением Крот уткнулся в подушку, слушая, как ещё вчера чужая для него река мягко струится у подоконника.

Таков был первый из многих дней, проведённых на реке Кротом, столь неожиданно изменившим свою жизнь. И каждый день созревающего лета был длиннее предыдущего и так же наполнен приключениями. Крот научился грести и плавать, а забираясь в тростники, улавливал обрывки фраз и рассказов из непрерывного шёпота речного ветра.

2

Большая дорога

Однажды погожим летним утром Крот вдруг сказал:
– Крысик, я бы хотел попросить тебя кое о чём.

Водяной Крыс сидел на берегу и напевал песенку. Он только что сочинил её, додумывал ещё последние строчки и не обращал внимания ни на что – и на Крота тоже. Он на рассвете плавал с весёлой компанией уток. Утки окунали головы в воду, а Крыс подныривал и щекотал их там, где у них был бы подбородок, если б он у них был. Утки выныривали

и шумно, сердито хлопали крыльями, потому что высказать всё словами не могли: головы-то оставались в воде. Наконец утки предложили ему отстать и заняться своими делами, а их оставить в покое. Крыс вышел на берег и сочинил песню, которую назвал...

Утиная песенка

Кря-кря-крячут утки
Там, где камыши...
Снизу вверх, снизу вверх
Хвост дер-жи!

Селезни да утки —
Сколько жёлтых лап!
Ну-ка, клювы жёлтые,
Рыбку – ап!

Водоросли сочные,
Плавает плотва —
От такой кладовки
Кругом голова!

Каждый всё, что нравится,
Сделает на бис —
Хвостиком наружу,
Головою вниз!

Где-то в небе синем
Кружатся стрижи...
Снизу вверх, снизу вверх
Хвост дер-жи!

– Ты знаешь, по-моему, эта песенка – не лучшее из твоих стихов, – осторожно заметил Крот. В поэзии он не особо разбирался, но говорил обо всём всегда искренне.

– И утки тоже так думают, – ничуть не смутившись, ответил Крыс. – Они говорят, мол, почему нельзя делать что хочешь, где хочешь и когда хочешь, и чтобы посторонние не сидели по берегам, делая замечания и сочиняя стихи. Глупости это всё, вот как они говорят.

– Вот молодцы, всё правильно говорят! – с жаром воскликнул Крот.

– Нет, неправильно! – обиделся Крыс.

– Ну, нет так нет, – согласился Крот. – А я тебя как раз хотел попросить: не могли бы мы навестить мистера Жаба? Я о нём столько слышал и страшно хочу познакомиться.

– Конечно, давай! – Добрый Крыс вскочил на ноги, выбрасывая на сегодня поэзию из головы. – Отвязывай лодку, бери вёсла. Жаб можно навещать в любое время, он всегда весел, всегда рад гостям, всегда опечален, когда ты уходишь.

– Наверно, он добрый, – заметил Крот, садясь на вёсла.

– Он лучше всех, – отвечал, устраиваясь на корме, Крыс. – Простой, дружелюбный, открытый. Не слишком умён, но ведь не всем же и быть гениями. Ну да, он хвастлив и самодоволен, но у него есть и великолепные качества, которые искупают всё.

Они обогнули излучину реки и увидали красивый старый дом благородной архитектуры, сложенный из поблёкшего от

времени красного кирпича. К самой воде сбегали ухоженные газоны.

– Вот и Жабсфорд, – сказал Крыс. – Левая протока, там, где написано: «Частная собственность. Не швартоваться!», ведёт к причалу, возле него мы оставим лодку. Справа конюшни, прямо, куда ты смотришь, зал для банкетов – старейший в округе. Жаб очень богат, и это действительно одно из красивейших зданий в наших краях, хотя мы никогда не говорим об этом в его присутствии.

Они свернули в протоку, и Крот, подняв вёсла, вплыл под сень большого причала. Множество отличных лодок было подвязано к выступающим концам поперечин, часть вытасщена на берег, но ни одна не спущена на воду. Всё выглядело пустым и заброшенным. Крыс огляделся.

– Понятно, – протянул он. – В лодочки мы больше не играем. Надоело, и бросили. Интересно, чем же он теперь занят? Пойдём-ка выясним.

Они вышли из лодки и по цветущим лужайкам отправились искать хозяина.

Жаб сидел в плетёном кресле в саду и сосредоточенно изучал разложенную на коленях большую карту. При виде друзей он вскочил с громким криком: «Ур-ра! Вот здорово!» – и бросился немедленно жать им лапы, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

Подпрыгивая и пританцовывая, он говорил:

– Как здорово, что вы пришли! Крысик, я как раз хотел

послать за тобой – и со строжайшим приказом: доставить тебя во что бы то ни стало. Вы мне оба страшно нужны. Есть хотите? Пошли в дом, найдём что-нибудь. Нет, ну до чего здорово, что я вас поймал!

– Посиди одну минуту спокойно, Жабби, – усаживаясь в шезлонг, сказал Крыс.

Крот сел рядом и вежливо сказал что-то насчёт «прекрасного поместья».

– Лучшее на всей реке! – радостно завопил Жаб и, не удержавшись, добавил: – Да и во всём мире, если на то пошло.

Крыс подтолкнул Крота локтем. К несчастью, Жаб заметил его движение и густо покраснел. Наступила неловкая тишина. В конце концов Жаб расхохотался первым:

– Ладно, Крысик, ты же меня знаешь. А дом и в самом деле недурён, правда? Он тебе самому нравится. Теперь послушайте: довольно тратить время впустую. Вы мне должны помочь, я затеваю чрезвычайно важное дело.

– Это ты про греблю? – невинно осведомился Крыс. – У тебя уже неплохо получается, но ты ещё сильно брызгаешь. Побольше терпения, сноровки и...

– Ой, гребля, тьфу! – с отвращением прервал Жаб. – Глупая, ребяческая забава. Я её уже давным-давно бросил. Пустая трата времени, вот что это такое. Мне больно видеть, как вы, с вашим умом и способностями, тратите силы и время на всякий вздор. Нет, я нашёл единственно стоящее занятие и посвящу ему отныне всю жизнь. Могу только пожалеть

о потерянных впустую годах, которые потонули в ничтожной суете. Иди со мной, дорогой Крысик, и твой симпатичный друг, если захочет, тоже пусть пойдёт вместе с нами. Не далее, как в конюшне, вы всё увидите!

Он повёл их к конюшне, и Крыс хотя и шёл за ним, но вид у него был очень недоверчивый и насторожённый. Рядом с каретным сараем во дворе стоял новёхонький цыганский фургон канареечно-жёлтого цвета, в зелёных разводах и с красными колёсами.

– Ну, как?! – вскричал сияющий Жаб, становясь рядом и широко расставляя ноги. – В этой маленькой повозке – целый мир. Широкая дорога, пыльные шоссе, луга, поля и холмы; деревни, города, деревушки! Нынче здесь – завтра там. Странствия, приключения, происшествия, вообще – красота! Имейте в виду, что это самый лучший фургон из всех, что делались когда-нибудь в мире. Зайдите внутрь и убедитесь собственными глазами. Всё продумано лично мной!

Крот был страшно заинтригован. Он тут же вскарабкался по лесенке и скрылся в фургоне, но Крыс не двинулся с места, а только фыркнул и глубоко засунул лапы в карманы.

Фургон был и впрямь удобным и уютным: лавки для спанья, откидной столик, плита, полки, шкафчики, клетка с птичкой, горшки, котелки, сковородки, кастрюли всех форм, размеров и видов.

– Всё предусмотрено! – Жаб распахнул дверцу одного шкафа. – Смотри: бисквиты, омары, сардины – всё что угод-

но. Печенье, лимонад, перец, бекон, варенье, карты, домино – всё есть. Мы скоро тронемся в путь, и вы убедитесь, что я ничего не забыл.

– Минуточку, – вмешался Крыс, медленно пожёвывая соломинку. – Мне, кажется, слышалось что-то вроде «мы», «скоро» и «в путь»?

– Крыс, Крысик, милый, хороший, – умоляюще заговорил Жаб, – не надо так сухо и презрительно разговаривать, ты же знаешь, что мы вместе поедem. Я, может быть, вообще не смогу обойтись без тебя, так что давай будем считать это решённым, и, пожалуйста, не спорь, споры – это единственное, чего я не терплю. Ты же не собираешься всю жизнь проторчать возле своей дурацкой реки, живя в убогой норе и занимаясь греблей! Я выведу тебя в свет, я позабочусь о тебе, дружок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.